

§3 СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОНИТОРИНГ

Юсупов М. М.

ЦЕННОСТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Аннотация. В статье характеризуются различные виды коллективной памяти, факторы актуализации исторической памяти, ее ценностно-функциональное значение раскрывается на примере представлений о Кавказской войне, анализируется взаимосвязь истории, памяти и знаний, дается терминологический дискурс освящения Кавказской войны, показывается влияние идеологии на сохранение и развитие памяти. Выявлена различная степень воздействия исторических знаний и преданий, мифов на возникновение эмоционально-психологических установок, стереотипов, а также корреляция между историческими знаниями и памятью, обосновывается необходимость дистанцирования историографии от событий и памяти. В изучении ценностного аспекта социально-исторической памяти применялся социокультурный подход, рассматривающий определяющую роль культурной жизни и социально-политической самоорганизации в поддержании и развитии индивидуальной и коллективной памяти. В исследовании использовались также методы и принципы историзма, объективизма, сравнения и анализа данных социологических опросов. Оригинальность и новизна исследования состоит в использовании комплекса методов, выявлении значения социально-исторической памяти как сильного фактора воздействия на общественную жизнь. На примере коллективной памяти региональной общности показана роль эмоционально переживаемых событий прошлого в проявлении социальных настроений и массовых действий в момент социально-политического кризиса в стране и регионе на рубеже 90-х годов XXв. Сформулировано определение памяти о Кавказской войне, делается вывод о целесообразности формирования политики памяти, культуры воспоминаний, обеспечения органической связи в развитии этнической, региональной и общероссийской памяти.

Ключевые слова: память, история, ценность, война, конфликт, травма, воспоминание, предания, знания, кризис.

В переломные периоды развития общества обостряется общественный и научный интерес к социальной и исторической памяти. В перестроечные годы в стране наблюдалось обращение исследователей, политиков, граждан ко многим сторонам отечественной истории, стремление критически переосмыслить социальный опыт и практику. Одновременно встает вопрос о совершенствовании системы государственного управления, оптимизации отношений по линии «центр-регион». Все это стимулировало и поддерживало желание и стремление достичь исторической справедливости и определить привлекательную историческую перспективу путем утверждения многообразия форм собственности, институтов демократии.

Словом, назревшие социальные перемены влекли потребность позитивной или негативной оценки различных страниц истории, обращения к социальной и исторической памяти. Каждое общество в определенный момент переживают состояние «разрыва» с прошлым, социальная память часто меняется, особенно в периоды катаклизмов, являясь в равной степени продуктом консенсуса и конфликта¹.

При ломке старых форм традиционной и унитарной интеграции сталкиваются интересы и ценности, возникает необходимость их регулирования, понимания важности 'единства' между социальными группами, поиска новых форм объединения и интеграции².

В обществе наиболее волнующими оказываются две большие темы: цивилизация и война, складывающиеся между ними разрушительные отношения сопряжены конструированием образа другого, образа врага³. И по-

этому при обращении к памяти встает вопрос о том, чтобы помнить прошлое правильным способом, не следовать в угоду сиюминутным интересам и эмоциям. Здесь исключительное значение имеет знание того, что следует помнить и что следует забыть, воспоминания увязывать с концептами долга, вины, справедливости, скорби, прощения⁴.

Чувства и ощущения боли детей, внуков и правнуков вызываются зачастую не самим трагическим событием, а существующей тревогой, вызванной необходимостью подавлять переживание этого события, отсутствием возможности выражения памяти, например, через произведения литературы и искусства. Такое ограничение возможностей воспоминаний, эмоциональных проявлений, усиливает травмированность. Культурная травма, как отмечает Дж. Александер, имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность⁵. Память и история взаимосвязаны, полнота памяти обеспечивается историческими исследованиями. Историография должна находиться на некотором расстоянии от памяти и одновременно должна быть связана и отдалена от настоящего⁶. Память имеет ценностное значение, обеспечивает хранение и трансляцию культурно-исторического наследия, определяет, в известной мере, ценностный выбор, социокультурную направленность, единство и целостность общества. Предметом анализа является в данной статье ценностное значение исторической па-

¹ Nerone J. Professional History and Social Memory // Communication. 1989. Vol. 11. P. 103

² Lewis A. Coser Social Conflict and the Theory of Social Change. The British Journal of Sociology, Vol. 8, No. 3. (Sep., 1957), pp. 197–207.

³ Mark Erickson Civilization and War/European Journal of Cultural and Political Sociology, 2014 Vol. 1, No. 1, 110–117

⁴ Ревзина О. Г. Память и язык. Критика и семиотика. Вып. 10, 2006. С. 10–24.

⁵ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность/Социологический журнал. 2012, № 3, С. 6–39

⁶ Мегилл А. История и память: за и против /Философия и общество. 2005 № 2, С 132–165

мяти на примере представлений о кавказской войне, особенности их проявления на рубеже 80–90-х годов XX в., взаимосвязь реальной истории, знаний и памяти.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Психологи определяют память как способность живой системы фиксировать факт взаимодействия со средой (внешней или внутренней), сохранять результат этого взаимодействия в форме опыта и использовать его в поведении. Социальной памятью называют совокупность социокультурных средств, осуществляющих отбор и преобразование актуальной общественной информации в информацию о прошлом с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению¹. Ее основными функциями считают запоминание, сохранение, воспроизведение. Историческая память трактуется как совокупность представлений о социальном прошлом, которые существуют в обществе, как на массовом, так и на индивидуальном уровне, включая их когнитивный, образный и эмоциональный аспекты².

В наиболее обобщенном виде историческая память представляет определенным образом сфокусированное отношение в обществе к историческим событиям, потребность и способность хранить информацию о прошлом³.

Массовые представления о пережитом историческом опыте долго сохраняются и приобретает злободневность по причине существования в настоящем острых проблем и противоречий.

Люди идентифицируют себя, свою этническую или региональную общность с терри-

ториальными границами⁴. В коллективной памяти откладываются воспоминания о расселении в прошлом своего народа на территориальных пространствах, происшедшие территориальные изменения нередко «провоцируют» возникновение, особенно в условиях кризиса, территориальных споров, конфликтов во внутригосударственном административном обустройстве, между соседствующими государственными субъектами. О чем свидетельствуют отложенные, замороженные территориальные вопросы на Северном Кавказе и в других регионах страны.

В памяти жителей Чечни отлегли эмоционально переживаемые события с масштабными последствиями. В 1991 году по результатам социопроса к ним отнесли депортацию 1944 г., кавказскую войну XIX в., сейчас, в первую очередь, пережитый конфликт и два ранее указанных события. В числе оказавших влияние на развитие народа называют Великую отечественную войну, принятие ислама, мухаджирство в XIX в., восстановление республики в 1957 г. и другие. Причем многолетний современный российско-чеченский конфликт ассоциируется с войной в XIX в. Она воспринимается как русско-чеченская, в которой одна сторона совершала агрессию, насильственные военные действия по захвату территории, ограничению земельных ресурсов, разрушению институтов самоуправления, лишению общности самостоятельности, включению ее в систему отношений господства и подчинения в рамках российского государства.

Другая сторона защищала свои территориальные «границы», социокультурный уклад, причем одни стремились сохранить старые или вновь возникшие элементы региональной «феодальной» иерархии, а основная масса вынашивала чаяния социально сбалансированного обустройства общности, укрепления традиционной общественной демократии.

¹ Степанова В. А. Социальная память как средство управления людьми. Электронный ресурс: http://socio.my1.ru/load/2010/socialnaja_pamjat_

² Хаттон П. Х. История как искусство памяти. Издательство «Владимир Даль». Санкт, Петербург, 2003

³ Шеуджен Э. А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. — Москва–Майкоп: Изд*во АГУ, 2010. — 280 с.

⁴ Andreas Muller/Territorial borders as institutions/ European Societies. 2012. Vol. 14, Issues First, 1–20

Между тем исследователи обращают внимание на использование в историографии разных терминов по освещению военных событий на Кавказе (XVIII–XIX вв.)¹. В литературе и периодической печати встречаются термины русско-кавказская война, русско-черкесская война, русско-чеченская война, кавказские войны империи, кавказская война и другие. На основании этого некоторые высказываются за отказ от общего понятия кавказская война, другие, напротив, выражают целесообразность рассмотрения многолетних военных операций и «войн» как целостного события, что наиболее емко и научно отражает всем привычное понятие Кавказская война. Между тем, использование того или иного термина зависит от целей и задач исследования. При рассмотрении конкретных локальных военных событий в пределах «этнотерритории», возможно, допустимы термины русско-карачаевская война, русско-дагестанская война. В то же время отдельные авторы рассматривают события XIX в. в ряду последующих трагических событий в жизни и истории отдельного народа. Так, некоторые авторы расценивают российско-чеченский конфликт как продолжение Кавказской войны, русско-кавказской войны, русско-чеченской войны. Между тем, чрезмерное дробление наименований названий военных и иных событий XVIII–XIX вв. может привести к размыванию общего социально-исторического значения Кавказской войны. Равно как и ограничение только лишь общей ее характеристикой войны может затруднить раскрытие всего клубка противоречий, социальных, культурных, религиозных, этнотерриториальных, социально-«классовых» во внутриэтнических и межэтнических отношениях с одной стороны и с другой — в отношениях между индивидуальными и коллективными представите-

¹ Лапин В. В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. — 82

лями этнических общностей и российским государством.

Историческая ретроспектива и концепции. Историческое сознание и память о кавказской войне формируется под воздействием разных источников и концептуальных подходов к освещению и трактовке военных событий и видов социокультурной коммуникации на Северном Кавказе в XVI–XIX вв.². Одни из этих подходов в них находят одобрение, другие отвергаются в региональном общественном сознании. В историографии царской России, как известно, многолетняя война на Кавказе объяснялась геополитическими стратегическими интересами и цивилизаторской миссией империи. Революционеры-демократы называли войну национально-освободительной, справедливой. Русские поэты, писатели, А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой и другие отразили в своих произведениях драматизм и трагизм всей этой ожесточенной борьбы, симпатизировали свободолюбивым горцам и в то же время сознавали историческую неизбежность совместного существования разных народов в российском культурном пространстве. В начальный период советского строительства война на Кавказе называлась национально-освободительной, антиколониальной и антифеодальной. В 50-е годы, правда, в ее освещении придается больше значение внешнему зарубежному и агентурному фактору. При этом мюридизм расценивали как реакционную идеологию³.

² Ахмадов Я.З. «Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI — XVIII веках». Грозный. 2009. История Чечни с древних времен до конца XIX в. — 2-е издание дополненное. — Грозный.: ГУП «Книжное издательство». 2008. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII — начало XX века: Монография; 2-е изд., доп. / М. Е. Колесникова; науч. ред. М. П. Мохначева; Ставропольский государственный университет. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Фадеев Р. А. «Шестьдесят лет Кавказской войны». Тифлис. 1860 г. ХОЖАЕВ Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Издательство «Седа». Грозный. 1998

³ Смирнов Н. А., Мюридизм на Кавказе, М., 1963.

Нужно отметить, что местной гуманитарной интеллигенции и значительной части молодежи и взрослого населения по духу взгляды на Кавказскую войну революционеров-демократов и прогрессивных русских писателей, последователей марксизма-ленинизма. В частности, высказывания Ф. Энгельса, К. Маркса, считавших войну на Кавказе народной, освободительной, антиколониальной и тезис В. Ленина о том, что есть две России, реакционная и прогрессивная, то есть демократическая. Это отчетливо обозначилось во время исторических дискуссий (70–80-е гг.), и в годы перестройки, политического кризиса в стране и регионе в 90-е годы XX в. В целом в сфере историографии и идеологическом дискурсе складывается конфликт на основе столкновения когнитивных и социально-исторических интересов и ценностей. Он был обусловлен тем, что с провозглашением курса на формирование и развитие «советского народа» и укрепления «социалистического единства народов» сочли необходимым представить прошлое бесконфликтным. С этой целью провозглашается концепция добровольного вхождения народов в состав России, в том числе народов Северного Кавказа, включая дагестанцев и чеченцев. Ряд ведущих ученых и многие местные историки-исследователи полагали, что она не соответствует исторической действительности, или вернее, не применима абсолютно ко всем народам. В итоге в дискуссионном поле ключевыми становятся два оппозиционных понятия «добровольное вхождение» и «насильственное присоединение». В этой полемике республиканская власть поддерживала сторонников добровольного вхождения, так как это отвечало идеологии центральной союзной власти, и ограничивала дискуссионные возможности носителей идеи насильственного присоединения. К 1989 г. исторические вопросы выносятся в Грозном на площадки массовых мероприятий, с ослаблением авторитета действующей партийно-советской власти «улица» побеждает и объявляет как бы низвергнутой кон-

цепцию добровольного вхождения. С этим республиканская власть вынуждена была смириться и принять к сведению происходящие перемены в идеологии и политической жизни. Тем более, что параллельно на всесоюзной научной конференции в Махачкале, с участием большой «делегации» из Чечено-Ингушетии, после острых дискуссий было принято решение на секциях и в резолюции отказаться от концепции добровольного вхождения (Материалы Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в.» Махачкала. 20–22 июня 1989 года).

Со сменой партийно-советской власти в 1991 г. в Чечне устанавливается новое административное управление. В различных средствах пропаганды и в исторических публикациях начинает доминировать восприятие истории российско-чеченских отношений как конфликтного противоборства на протяжении 400 лет. В риторике идеологов часто употребляются термины: военная экспансия, завоевание, жестокость, насилие, героическое сопротивление. В то же время недооценивался преимущественно мирный период контактов и взаимоотношений в XVI–XVII вв. и в первой половине XVIII в. Такие оценки находят, кстати, отражение и в документе по урегулированию послевоенных российско-чеченских отношений, подписанном Б. Ельциным и А. Масхадовым. Президент РФ, после его подписания отметил, что «ставит точку в войне и противостоянии 400-летней давности» («Договор о мире и принципах взаимоотношений между РФ и ЧРИ», 12 мая 1997).

Однако с 2003 г., с момента легитимизации назначенной Центром временной чеченской администрации посредством проведения референдума по принятию новой Конституции ЧР и выборов Президента ЧР активизируются действия по восстановлению разрушенной инфраструктуры и социального порядка. Мирное строительство и урегулирование отношений по вертикали «Центр-регион» зародило потребность ней-

трализации негативного, конфронтационного восприятия российско-чеченских отношений со второй половины XVIII и XIX вв. В СМИ и научных публикациях стали больше акцентировать внимание на то, что в XVI–XVII вв. складывается относительно мирный период российско-чеченских взаимоотношений. На одной из конференций отправной точкой развития мирных связей определено прибытие в 1588 г. в Москву первого чеченского посольства во главе с Батай-мурзой Окоцким¹.

Таким образом, в местном историческом дискурсе теперь как бы сбалансированы два оппозиционных понятия «мирное сотрудничество» и «военное сопротивление». Хотя современное понятие «сотрудничество» не схватывает, не отражает тип отношений московских правителей с представителями окраинных или приграничных этнических общностей и государственных образований. Сегодня по-прежнему в основном издаются монографии и статьи, посвященные военным событиям XIX в., что объясняется сохраняющимся интересом к сложному и очень противоречивому социально-историческому периоду Северокавказского региона и наличием много источников литературных, мемуарных и архивных, тогда как более ранний период не имеет такой исследовательской базы.

Однако представители зарубежной чеченской политической диаспоры, в своих устных и печатных выступлениях, говорят о продолжающемся 400-летнем противостоянии российского государства и чеченского народа со смысловыми акцентами на понятия «военное насилие» и «военное сопротивление». Но при этом подчеркивают, что силовое решение проблем должно остаться в прошлом, нужно овладевать мирные средства регулиро-

вания отношений Российского государства и Чечни. Итак, в настоящем представлении о Кавказской войне формируются в условиях интеграции ЧР в российское административное, социально-экономическое и культурное пространство, послевоенного восстановления инфраструктуры, постепенного роста социально-экономических показателей и благополучия населения. Это актуализирует выявление и трансляцию опыта хозяйственных и культурных связей в историческом прошлом, объективного и взвешенного освещения различных сторон военных событий XIX в.

В целом на основе имеющихся исторических представлений можно сформулировать определение памяти о войне в XIX в. Память о Кавказской войне — это от поколения к поколению воспроизводящиеся представления под влиянием научной, художественной литературы, произведений искусства, официальной информации, государственно-архивных и семейных документов, устных преданий и мифов о русско-кавказской войне, протекавшей на основе столкновения геополитических, этнотерриториальных, этнокультурных, социально-«классовых» интересов и ценностей.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПАМЯТЬ

В литературе историческую память рассматривают составной частью исторического сознания, которое, равно как и память, формируется на основе научных знаний, представлений и мифов. Историческое сознание, знание и память находятся в противоречивой взаимосвязи. Объективные исторические знания имеют определяющее значение в становлении исторического сознания и памяти. Они подвержены изменениям, обновляются путем получения новых данных по итогам социальных и исторических исследований, соответственно корректируется и память. Историческое прошлое, особенно связанное с войной, сохраняется в индивидуальной и коллективной памяти многих поколений.

¹ История Чечни с древних времен до конца XIX в. — 2-е издание дополненное. — Грозный.: ГУП «Книжное издательство» 2008 Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства Чечни с древних времен. М. — Издательский дом «Русская жизнь» (“Russian life”). 1997–250 с.

Таб.1. Индекс знания истории, культуры народа

История, культура народа	чеченцы	русские	другие национальности
Чеченский народ	3,6	2,9	3,8
Русский народ	3,1	3,8	3,3
Другие национальности	1,8	1,8	2,6

* Индексы выведены приписыванием баллов переменным показателям:
«хорошо знаю» –4 балла, «совсем не знаю» –1 балл.

Во время социального кризиса в полиэтнической стране могут актуализироваться негативные стороны социального, военно-политического, межэтнического взаимодействия, образы врагов, перенесенные в прошлом травмы. Это происходит нередко под воздействием целенаправленных идеологических акций представителей противоборствующих сторон, или «провоцируется» произвольно самой конфликтной ситуацией. Однако зачастую здесь срабатывает онтологический аспект памяти, она утверждает сходство между прошлым и настоящим, а история, наоборот, устанавливает различия между прошлым и настоящим¹.

Историческая наука в силу присущего ей стремления к объективности, развенчивает исторические мифы, лежащие в основе исторического предания, и растворяет историческую память этноса в огромном массиве исторических знаний о разных эпохах и народах².

И поэтому очень важно иметь объективные исторические знания, отражающие все стороны военного или иного явления и разные подходы, оценки. В то же время недопустима другая крайность — возникновение человека-манкурта, утратившего социальную и историческую память.

Историческая память без исторических знаний, зиждущаяся только на преданиях и мифах чаще порождает отрицательные эмоционально-психологические установки, стереотипы. Так, обсуждение среди молодежи

темы Кавказской войны показывает, что существует корреляция между историческими знаниями и памятью. Как правило, обладающие достаточным уровнем исторических знаний стараются проделать беспристрастный анализ события, определить конкретные последствия. А те, кто демонстрирует низкий уровень знаний, всю характеристику сводят к образованию русофобии и чеченофобии.

Нами был выявлен также уровень знания истории и культуры своего и других народов при проведении социологических исследований в 1991 и 2003 гг. Здесь приводятся субъективные самооценки респондентов, высказанные в 2003 году (Социологическое исследование «Интересы, нормы, ценности», 2003, ЧР, объем квотной выборки — 1060 чел.)

Из них вытекает, что чеченцы оценивают знания своей истории и культуры выше среднего, русской — средне, других национальностей — низко. Обращают на себя внимание ответы представителей других национальностей. Они отметили более высокий уровень знания истории и культуры чеченского и русского народов и ниже среднего — своего народа. Это может быть интерпретировано как следствие отсутствия условий и возможностей изучения ими в надлежащем объеме своей истории и культуры.

Между тем, недостаток подлинных исторических знаний о том или ином событии или предвзятая односторонняя интерпретация его просматривается в некоторых периодических и научных публикациях. Так называемые «войны памяти» проникают и на страницы школьных учебников. Данная проблема обстоятельно проанализирована

¹ Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти. — М., 2007

² Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 159.

в статье В. Шнирельмана¹. В частности, он отмечает, в учебнике для 8 класса, выпущенном Н. А. Троицким, Кавказская война традиционно рисуется захватнической со стороны Российской империи, а горцы изображаются борцами за независимость. Ни о каком грабительском поведении горцев здесь речи нет. Тем самым, Кавказская война совершенно справедливо представлена военно-политическим конфликтом. В другом популярном учебнике А. А. Данилова и Л. Г. Косулиной причиной Кавказской войны называется попытка царского правительства внедрить на Кавказе российские законы и обычаи. Поэтому авторы видят в ней «столкновение двух непохожих культур, традиций, образов жизни»². Серьезной проблемой может стать на взгляд местных историков то, что с отменой национального компонента в системе образования сокращены часы на преподавание региональной истории, теперь она будет изучаться в рамках общероссийского учебника истории.

ВЫВОДЫ

Историческая память часть или срез социальной памяти, актуализация ее тех или иных сторон происходит под влиянием текущих событий, волнующих население проблем. Ее

ценностный потенциал бывает направлен, как правило, на оправдание ценностных ожиданий людей в настоящем.

Память сохраняется в народных преданиях, научной литературе, семейных и государственных архивах, мемуарах участников войны, политиков, художественных произведениях, музейных экспозициях, памятниках, топонимике.

В политике памяти основной акцент нужно делать не на запреты освещения прошлого, пусть и трагического, а на способ его освещения, его содержательную направленность, ведущей не к конфронтации, а сопереживанию, соучастию, укреплению согласия и мира. В настоящем многими сознается значимость межнациональных отношений, культуры общения в поддержании социально-политической стабильности, укреплении государственной безопасности.

На решение этих задач направлена недавно разработанная ведущими учеными страны стратегия национальной политики. В рамках ее реализации следовало бы выделить вопросы формирования политики памяти, культуры воспоминаний, развития во взаимосвязи этнической, региональной и общероссийской памяти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Nerone J. Professional History and Social Memory // Communication. 1989. Vol. 11. P. 103
2. Lewis A. Coser Social Conflict and the Theory of Social Change. The British Journal of Sociology, Vol. 8, No.
3. (Sep., 1957), pp. 197–207. 3. Mark Erickson Civilization and War/European Journal of Cultural and Political Sociology, 2014 Vol. 1, No. 1, 110–117
4. Ревзина О. Г. Память и язык. Критика и семиотика. Вып. 10, 2006. С. 10–24.
5. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность/Социологический журнал. 2012, № 3, С. 6–39
6. Мегилл А. История и память: за и против /Философия и общество. 2005 № 2, С132–165
7. Степанова В. Л. Социальная память как средство управления людьми. Электронный ресурс: http://socio.myl.ru/load/2010/socialnaja_pamjat_

¹ Шнирельман В.: журнал Скепсис.
http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research

² Рикёр П. Память, история, забвение Перевод с французского. Издательство гуманитарной литературы. Москва. 2004.

8. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. Издательство «Владимир Даль». Санкт-Петербург, 2003
9. Шеуджен Э. А. Адьги (черкесы) в пространстве исторической памяти.— Москва–Маикоп: Изд*во АГУ, 2010.—280 с.
10. Andreas Muller/Territorial borders as institutions/European Societies.2012. Vol.14, Issues First, 1–20
11. Лапин В. В. История Кавказской войны. Пособие к лекционному курсу.— СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003.— 82
12. Ахмадов Я. З. «Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI — XVIII веках». Грозный.2009.Фадеев Р.А.«Шестьдесят лет Кавказской войны». Тифлис. 1860 г. ХОЖАЕВ Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Издательство «Седа». Грозный. 1998.
13. Смирнов Н. А., Мюридизм на Кавказе, М., 1963.
14. История Чечни с древних времен до конца XIX в.—2-е издание дополненное.— Грозный.: ГУП «Книжное издательство» 2008.
15. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти.— М., 2007
16. Ницше Ф.О пользе и вреде истории для жизни/Сочинения: В2т. М.,1990.Т. 1.С. 159.
17. Шнирельман В.: журнал Скепсис.<http://www.socpolitika.ru>
18. Рикёр П. Память, история, забвение Перевод с французского. Издательство гуманитарной литературы. Москва. 2004
19. Алейников А. В. Системные конфликты в России: концептуальные основания анализа. Статья 1. // NB: Проблемы общества и политики.— 2013.— 7.— С. 94–140. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Nerone J. Professional History and Social Memory // Communication. 1989.Vol. 11. P. 103
2. Lewis A. Coser Social Conflict and the Theory of Social Change. The British Journal of Sociology, Vol. 8, No.
3. (Sep., 1957), pp. 197–207. 3. Mark Erickson Civilization and Wag/European Journal of Cultural and Political Sociology, 2014Vol. 1, No. 1, 110–117
4. Revzina O. G. Pamyat' i yazyk. Kritika i semiotika. Вып. 10, 2006. S. 10–24.
5. Aleksander Dzh. Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'/Sotsiologicheskii zhurnal.2012,№ 3, S.6–39
6. Megill A. Istoriya i pamyat': za i protiv /Filosofiya i obshchestvo. 2005 № 2, S132–165
7. Stepanova V. L. Sotsial'naya pamyat' kak sredstvo upravleniya lyud'mi. Elektronnyi resurs: [ttp://socio.myl.ru/load/2010/socialnaja_pamjat_](http://socio.myl.ru/load/2010/socialnaja_pamjat_)
8. Khatton P. Kh.Istoriya kak iskusstvo pamyati. Izdatel'stvo «Vladimir Dal'». Sankt, Peterburg, 2003
9. Sheudzhen E. A. Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoi pamyati.— Moskva–Maikop: Izd*vo AGU, 2010.—280 s.
10. Andreas Muller/Territorial borders as institutions/European Societies.2012. Vol.14, Issues First, 1–20
11. Lapin V. V. Istoriya Kavkazskoi voiny. Posobie k leksionnomu kursu.— SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN «Nestor-Istoriya», 2003.— 82
12. Akhmadov Ya. Z. «Ocherk istoricheskoi geografii i etnopoliticheskogo razvitiya Chechni v XVI — XVIII vekakh». Grozny.2009.Fadeev R.A.«Shest'desyat let Kavkazskoi voiny». Tiflis. 1860 g. KhOZhAEV D. Chechentsy v russko-kavkazskoi voine. Izdatel'stvo «Seda». Grozny. 1998.

13. Smirnov N. A., Myuridizm na Kavkaze, M., 1963.
14. Istoriya Chechni s drevnikh vremen do kontsa XIX v.—2-e izdanie dopolnennoe.— Groznyi.: GUP «Knizhnoe izdatel'stvo» 2008.
15. Khal'bvaks, M. Sotsial'nye ramki pamyati.— M., 2007
16. Nitsche F.O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni/Sochineniya: V2t. M.,1990.T.1.S. 159.
17. Shnirel'man V.: zhurnal Skepsis.<http://www.socpolitika.ru>
18. Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie Perevod s frantsuzskogo. Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. Moskva. 2004
19. Aleinikov A. V. Sistemnye konflikty v Rossii: kontseptual'nye osnovaniya analiza. Stat'ya 1. // NB: Problemy obshchestva i politiki.— 2013.— 7.— С. 94–140. DOI: 10.7256/2306–0158.2013.7.2306. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_2306.html